

Туторский А.В., Гордеев Ф.И.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
исторический факультет, Ломоносовский проспект,
д. 27, корп. 4, Москва, 119192, Россия*

БЕДЖА ЭТБАЯ: ИТОГИ ПЕРВЫХ ЛЕТ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ НУБИЙСКОЙ АРХЕОЛОГО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Введение. Регион Этбай, к которому мы обращаемся в данной статье, со времен Египетской цивилизации всегда находился на периферии крупных государственных образований. Вопрос о генетической преемственности исторического населения Этбая и современных этнических групп, проживающих на этой территории – народов беджа, до сих пор вызывает дискуссии в научном сообществе. В статье мы предлагаем обратиться к культурной преемственности населения региона, опосредованной уникальными географическими и политическими факторами, которые, в случае Этбая, на протяжении столетий остаются практически неизменными.

Материалы и методы. Материалами к статье послужили источники по истории и социальной антропологии, касающиеся региона Этбай и рассматриваемой в статье этнической группы – беджа. Имеющиеся в исследовательской литературе сведения сравниваются с теми данными, которые нам удалось собрать в ходе первого опыта полевых исследований среди беджа бишарин в рамках Нубийской археолого-антропологической экспедиции МГУ.

Результаты и обсуждение. В настоящей статье приводится обзор основных работ, и научных концепций, связанных с беджа региона Этбай. В работах историков, ориентированных преимущественно на древнейший и средневековый периоды, беджа рассматриваются как протоегиптяне или потомки меджаев эпохи Среднего царства. В ходе этнографических исследований, предпринимаемых в рамках археолого-антропологической экспедиции МГУ (рук. А.А. Крол), было установлено, что регион Этбай сильно отличается от регионов долины Нила и побережья Красного моря. На основании первых лет исследований в качестве рабочей гипотезы о месте современных беджа в рамках историко-культурного ландшафта региона нами была выдвинута идея о том, что особый ландшафт и климат региона препятствуют его инкорпорированию в состав существующих государственных образований (Древний Египет, Арабский халифат) и создает локальную периферийную культуру, которая продолжает существовать и воспроизводиться в течение нескольких тысячелетий, оставаясь отличной (отчасти противостоящей) от доминирующей исторической культуры.

Заключение. В результате изучения сведений о беджа из различных письменных источников и сравнения их с собственными полевыми материалами, нами была выработана гипотеза культурной преемственности населения региона, опосредованной в первую очередь его особыми климатическими и историческими условиями. Эта гипотеза, на наш взгляд, дает перспективную теоретическую рамку для дальнейших исследований культурных особенностей беджа бишарин Этбая. Первый полевой опыт также подтвердил сведения о закрытости сообществ беджа, приводимые в литературе. Мы намерены использовать полученные данные для разработки стратегий дальнейших исследований.

Ключевые слова: Этбай; беджа; бишарин; Красноморские холмы; культурный континуитет; периферия

Историческое изучение суданско-египетского пограничья всегда несло на себе печать египетской цивилизации. Именно по этому региону проходила южная граница египетских царств и начиналась страна меджаев – кочевников и военных противников египтян. Неслучайно большая часть исследования собственно этого региона – региона Этбай – включало в себя отсылку ко временам меджаев, а позже блеммиев. Вместе с тем очевидная для историков параллель не может быть полностью доказана. Более того, если развивать эту линию рассуждений, сам факт существованием на протяжении почти 5000 лет устойчивой безгосударственной кочевой культуры является уникальным феноменом, который вряд ли может быть объяснен в рамках современных этнологических или антропологических концепций.

Этнографические исследования, проведенные в 2018–2019 годах в рамках археолого-антропологической экспедиции МГУ (рук. А.А. Крол), привели к корректировке этого направления исследований и выдвижению новой гипотезы. С одной стороны, наблюдается определенная устойчивость культурных характеристик жителей Этбая (кушитский язык, отгонное скотоводство, устойчивая периферийность по отношению к государственным институтам). С другой стороны, продемонстрировать этническую преемственность и неразрывность этнического развития людей данного региона трудно. Таким образом, согласно нашей гипотезе, фокус внимания необходимо перенести с собственно культуры беджа на ее взаимосвязь с климатом и ландшафтом, ее природную опосредованность [Sahlins, 1968].

Этбай или Красноморские холмы (в англоязычной литературе обозначается как «Red Sea Hills») – регион между средним течением Нила и западным побережьем Красного моря, названный так по одноименному горному хребту, который тянется вдоль восточного побережья Африканского континента. Являясь частью Нубийской (Восточной) пустыни, Этбай отличается хоть и засушливым, но всё же пригодным для жизни климатом – за счёт относительной близости к морскому побережью. Типичный ландшафт региона – узкие долины вади – высохшие русла некогда полноводных рек, зажатые невысокими горными грядами. Жизнь в этих местах всецело зависит от акации кручёной (*Acacia tortilis*) – растения, листья которого являются кормом не только для обитающих здесь диких ослов, но и для домашних животных – коз и верблюдов, обеспечивающих местных жителей средствами к существованию.

Красноморские холмы были населены с глубокой древности, о чём свидетельствуют как археологические находки, так и многочисленные письменные исторические источники. Характерной особенностью этих описаний является то, что все они были составлены внешними по отношению к автохтонному населению региона наблюдателями. У коренных жителей Этбая так и не сложилось собственной письменной литературной традиции, потому всё, что мы знаем об историческом населении региона и большая часть того, что нам известно о его современных обитателях – лишь внешняя интерпретация их образа жизни, культуры и идентичности. Этбай в течение всей своей истории находился на периферии крупных цивилизаций – древнеегипетской, древнегреческой, римской, средневековой арабской и, наконец, британской колониальной. Даже во второй половине XX века, когда Египет и Судан добились суверенитета, Красноморские холмы не утратили своего статуса периферии, оставаясь окраиной по отношению к этим новым независимым центрам власти.

Несмотря на столь долгий опыт подчинения доминирующим регионам, Красноморские холмы никогда не были колонией в строгом смысле этого слова. Государства, формально распространявшие свою власть на Этбай, менялись с течением времени, переживали расцвет и упадок. Контроль за периферией Красноморских холмов тоже не был постоянным – он то усиливался, то ослабевал в зависимости от экономических и политических возможностей центра. Случалось, что в периоды упадка империй, жители Красноморских холмов, оставленные всеми письменными цивилизациями, столетиями были предоставлены сами себе, о чём красноречиво свидетельствуют вековые пробелы в исторических источниках. Ни одно из некогда доминирующих в регионе государств – будь то Древний Египет, Османская Империя или Великобритания – не смогло инфраструктурно инкорпорировать Этбай. Следствием этого было то, что экономические и культурные отношения между центром и периферией всегда носили временный и поверхностный характер.

Главная причина, по которой жителям Красноморских холмов удавалось сохранять значительную автономию на протяжении тысячелетий иностранного господства – географическая изолированность региона, затерянного среди бескрайних песков и скалистых гор. Этбай был и остаётся труднодоступным местом. Если вам сегодня по какой бы то ни было причине понадобится добраться до пустынных вади Красноморских холмов из Хартума,

будьте готовы к трёхдневному утомительному переезду по песчаному бездорожью. Не стоит говорить, что в течение многих столетий нашего прошлого, пока не были изобретены электрогенератор и полноприводный пикап, путь из долины Нила в сердце Восточной пустыни был ещё труднее и опаснее. Вторая причина, по которой ни одна из цивилизаций, номинально властвующих над Этбаем, не испытывала особого интереса к его освоению – пустынный климат региона, исключая любые формы хозяйствования, кроме малопривлекательного кочевого скотоводства. Начиная со времён Древнего Египта, главной целью иноземцев, стремящихся проникнуть в вадю Этбая, было золото. Однако рентабельность горнодобывающей промышленности в Нубийской пустыне никогда не была безусловной. Расходы, вызванные капризами природы, политическими потрясениями в центре или волнениями автохтонного населения на местах, всегда грозили перевесить доходы от продажи драгоценного металла. Исключительную воинственность населения Красноморских холмов, свидетельствами о которой изобилуют исторические источники, вероятно, стоит выделить в отдельный фактор устойчивой автономии региона. Фараоны эпохи Среднего царства, отправляя в Этбай военные экспедиции, встречали там вооружённое сопротивление непримиримых меджаев, Римские императорам приходилось защищать границы своих владений в Восточной Африке от полуполюгендарных блеммиев, арабские племена, пересекавшие Красное море в погоне за золотом, вынуждены были иметь дело с непокорным народом пустынных кочевников беджа.

Многие исследователи сходятся во мнении, что современные беджа представлены пятью социо-политическими группами: абабде, бишарин, амарар, хагендоуа и бени амер – с севера на юг вдоль побережья Красного моря [Palmisano, 1991, с. 7; Dahl, Hjort-af-Ornas, 2006, с. 473; Herzog, 1985, с. 161]. Стоит отметить, что в науке до сих пор не сложилось единого представления о внутренних и внешних границах сообщества беджа. Некоторые исследователи добавляют к вышеназванным секциям также халенга, живущих в Эритрее [Vanhove, 2006, с. 1], другие – исключают абабде, считая их арабским племенем [Abdel-Qadr et al., 1996, 19]. В самых широких классификациях число этих групп достигает четырнадцати [Paul, 1954, с. 137-139]. Пять самых крупных проживают на территории Республики Судан, лишь самые северные из них – абабде – населяют также территории юга Египта и спорную территорию Халаибского треугольника, а

самые южные – бени амер – север Государства Эритрея. Эти социо-политические группы в свою очередь делятся на более мелкие «кланы» (как эти секции чаще всего обозначаются в исследовательской литературе), точная классификация которых затруднена неопределённостью их границ. Численность беджа также не поддаётся точной оценке, что связано с кочевым образом их жизни, удалённостью мест их проживания от административных центров и с тем, что они находятся под юрисдикцией трёх различных государств. Кроме того, вопрос о том, кто «имеет право» называться именем «беджа» спорен как с точки зрения этнологов и центральных властей региона, так и с точки зрения самих кочевников пустыни. В этой связи исследователи пишут об «эластичности этнической идентичности беджа». Здесь будет достаточно упомянуть случай, задокументированный исследователем Рольфом Херцогом, когда беджа бишарин были освобождены властями от обязанности нести военную службу, что сразу же привело к увеличению их численности за счёт молодых людей, принадлежащих к другим малым этническим группам региона, заявивших что они идентифицируют себя как беджа [Herzog, 1985, с. 169].

Согласно переписи, проведённой в 1998 г. правительством тогда ещё единого Судана, на языке беджа (бедауйе) говорили 1,1 миллиона человек. Однако, перепись не учитывала беджа Египта и Эритреи. По данным ресурса «Ethnologue», в 2017 г. говорящих на бедауйе было уже почти 2,5 миллиона, 2,2 из которых проживали в Судане (Электронный ресурс. URL: Ethnologue.com/language/bej, дата обращения – 25.10.20). Но и эта цифра не может отразить реальной численности сообщества, потому как не все беджа говорят на бедауйе. Так, большая часть бени амер Эритреи говорит на диалекте языка тигре, а халенга – на диалекте арабского. В тоже время среди беджа широко распространён билингвизм. Большая часть беджа используют бедауйе для общения между собой, а суданский диалект арабского – для внешних контактов [Vanhove, 2006, с. 6]. Эти обстоятельства ещё более усугубляют ситуацию размытости этнических границ.

Несмотря на то, что беджа были известны европейской цивилизации уже давно, лишь в конце XIX – начале XX в., после открытия Суэцкого канала и превращения территории современных Египта и Судана в важный стратегический регион, возрос интерес западных антропологов к коренному населению этих стран. В период существования англо-египетского кондоминиума над Суданом (первая половина XX в.), под покровительством, а иногда и

при активном участии английских колониальных властей, были предприняты первые попытки систематизировать все имеющиеся данные об этой этнической группе. В Новейшее время беджа попали в сферу интересов археологов и египтологов, которые пытаются установить связи современного сообщества с историческим кочевым населением Нубии эпохи Древнего Египта. Значительные успехи в изучении языка бедауйе были сделаны фундаментальными лингвистами.

Что касается социальной антропологии и этнографии, несмотря на интерес как западных, так и региональных специалистов к данной этнической общности, степень изученности современных беджа относительно невелика. Ввиду значительной численности беджа и разреженности их поселений, современные полевые исследования редко претендуют на составление какого-либо общего описания сообщества беджа, а концентрируют своё внимание на одной из вышеназванных социополитических групп. Учитывая значительные отличия, которые наблюдаются у тех, кто идентифицирует себя как беджа, зачастую не представляется возможным экстраполировать выводы, сделанные в ходе изучения одной из их секций на общность в целом. Другим препятствием к проведению широкомасштабных научных исследований в регионе служит политическая нестабильность Судана в последние десятилетия после окончания гражданской войны между севером и югом. Беджа являются одной из политических сил страны, в недавнем прошлом открыто выступавшей против центрального правительства. Это обстоятельство заставляет администрацию Республики Судан с настороженностью относиться не только к самой этнической группе, но и к иностранным гражданам, проявляющим к ней интерес.

Тем не менее, за годы антропологического изучения коренного населения Восточной пустыни, был накоплен значительный объём эмпирических данных, позволяющий нам говорить не только об историографии вопроса, но и о некоторых её тенденциях. В задачи данной статьи не входит подробный анализ всего корпуса работ о беджа, потому ограничусь лишь тем, что назову основные направления исследований, характерные для разных исторических периодов.

Несомненной заслугой учёных XIX – начала XX в. является их значительный вклад в историю изучения вопроса за счёт накопления обширного историко-этнографического материала. Теоретические же наработки большинства исследователей этого периода не представляют высокой научной

ценности, потому как они базируются на некорректных с точки зрения современной науки эволюционистских взглядах, господствовавших в социальных науках того времени. Помимо описания материальной культуры и религиозных практик современных им беджа, исследователи XIX – начала XX в. проявляли особый интерес к проблеме этногенеза этого народа. Опираясь на современные им представления о процессе расселения африканских народов, и согласовывая их с результатами краниометрических исследований, они предложили две основные теории происхождения беджа. Согласно первой из них, беджа являются потомками коренного населения додинастического Египта [Seligman, 1913, с. 633-634]. По другой, более поздней версии, предки беджа переселились в Восточную Африку из Аравии через Красное море лишь около 2500 года до н.э., вытеснив коренное негроидное население, и вступив в контакт с VI династией фараонов [Paul, 1954, с. 21]. Оба предположения основываются на так называемой хамитской теории, которая во второй половине XX в. была подвергнута резкой критике и дискредитирована. Несмотря на это, полулегендарный нарратив, возводящий современных беджа к «протоегиптянам» дожил до наших дней.

Начиная со второй половины XX в. исследователи всё чаще начинают обращаться к проблемам идентичности беджа. В работах этого периода появляются подробные описания структур родства и иерархий их секций, антропологическому анализу подвергается особое мироощущение беджа, интерпретируются ценностные установки и религиозные представления сообщества.

Новейшие исследования в регионе обнаруживают тенденцию к междисциплинарности. С одной стороны – это этноархеологические изыскания, цель которых – найти ответы на загадки прошлого региона Этбай путём изучения быта современных беджа. С другой – комплексное исследование экосистемы Восточной пустыни и проблемы её деэртификации. Сообщества, населяющие Этбай (в том числе и беджа) в терминологии сторонников данного направления рассматриваются как важное звено экологической цепочки и неотъемлемая составная часть «культурного ландшафта» этих мест.

На основе обоих этих подходов развивает свою научную деятельность Нубийская археолого-антропологическая экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ, начавшая свою работу в Республике Судан в 2017 г. Основным научным интересом экспедиции является средневековый памятник Де-

рахейб, расположенный в Вади аль-Аллаки в провинции Красное море.

Замок и городище, затерянные в песках Восточной пустыни, впервые стали известны европейской науке благодаря усилиям французского инженера Л. Линана де Бельфона. Этот исследователь, находившийся на государственной службе при дворе Мухаммеда Али, оставил подробные описания и зарисовки данного памятника в ходе экспедиции 1832 года. Его соотечественник Жозеф Понс д'Арно в 1840-х годах продолжил исследования районов древней и средневековой золотодобычи в Вади аль-Аллаки.

Следующие масштабные археологические раскопки в регионе были проведены Нубийской экспедицией АН СССР в 1961-1963 годах под руководством Б.Б. Пиотровского. В связи со строительством Асуанской плотины, начатой египетским правительством Г.А. Насера после национализации Суэцкого канала, значительная часть Нижней Нубии в результате запланированного затопления должна была оказаться под водой. Для проведения спасательных археологических раскопок под эгидой ЮНЕСКО были привлечены учёные из многих стран мира, между которыми были распределены участки работ. Советской экспедиции была предоставлена обширная территория, включавшая и Вади аль-Аллаки. По результатам двух полевых экспедиций Б.Б. Пиотровским была опубликована книга «Вади Аллаки – путь к золотым рудникам Нубии» [Пиотровский, 1983].

Долгое время научные исследования в регионе Этбай осложнялись нестабильной внутривосточной обстановкой в Республике Судан. В 1990-х годах на памятнике работали итальянские археологи в рамках организованного братьями Анжело и Альфредо Кастильоне и Джанкарло Негро Центра изучения Восточной пустыни.

Опираясь на опыт предыдущих исследований, археолого-антропологическая экспедиция МГУ за три полевых сезона (2017, 2018, 2020) под руководством А.А. Крола приступила к всестороннему изучению памятника Дерахейб [Крол с соавт., 2019; Бухарин с соавт., 2020]. К участию в экспедиции были привлечены учёные различных специальностей. Помимо археологических исследований, были проведены антропологическая экспертиза обнаруженных в ходе раскопок костных останков. В сезоне 2020 года благодаря геодезическим исследованиям и аэрофотосъёмке была создана 3D-модель памятника и окрестностей. В рамках междисциплинарного подхода к изучению исторического и современного населения Восточной пустыни и Вади

аль-Аллаки, в 2019 году к работе в экспедиции были привлечены этнографы с кафедры этнологии исторического факультета МГУ.

В ходе полевого сезона экспедиции в феврале 2020 года были сделаны первые шаги в изучении автохтонного населения долины Вади аль-Аллаки. Как было установлено в ходе общения с коренным населением региона, они идентифицируют себя как беджа племени бишарин (араб.: قبيلة), клана алиаб (араб.: بطن).

Был установлен контакт с представителями трёх семей (араб.: عيلة). Глава одной из них – Али и его сын дали важную информацию об устройстве поселения беджа бишарин. Экспедицией был составлен план деревни с обозначениями жилых (мужского и женского дома) и хозяйственных построек.

Со слов Али-старшего можно сделать вывод о достаточно высоком уровне мобильности населения горной долины. Так, Али часть года проводит в ближайшем населённом пункте, а в Вади-Аллаки спускается в период активного скотоводства.

Климат долины позволяет бишарин алиаб заниматься разведением коз и верблюдов. Однако, по словам респондента, семьи клана алиаб не имеют возможности селиться компактно, что связано с недостаточным количеством корма для скота и питьевой воды в одной долине. Несмотря на то, что представителей одного клана разделяют горные цепи, они поддерживают связь и групповую идентичность. В долине Вади аль-Аллаки располагается средневековый (со слов беджа) колодец, обеспечивающий питьевой водой проживающие здесь семьи. Можно предположить, что подобные источники воды играют определяющую роль в выборе места для поселений и в других вади северо-востока Судана.

Таким образом, были выявлены следующие специфические особенности этнографических исследований беджа Судана. Во-первых, поселения тех из них, кто ведёт традиционный кочевой образ жизни, очень разрежены и не образуют полноценные населённые пункты – деревни. Они представлены скорее временными кочевыми стоянками, постройки которых сложены из ветвей акаций и покрыты шкурами и тканью. Главной причиной, обуславливающей такой тип расселения, судя по всему, является климатический фактор. Такие «стоянки» беджа могут быть удалены друг от друга на многие километры, что, однако, не мешает беджа одного племени и клана поддерживать контакт между собой. Всё это не позволяет вести традиционное этнографическое исследование, в котором

учёный работает с какой-либо конкретной относительно многочисленной общиной, проживающей компактно. Второй важной особенностью, выявленной в ходе получения первого полевого опыта в регионе, является закрытость сообществ беджа от чужаков и контроль за доступом к информации. Эта особенность неоднократно отмечалась и в литературе. Беджа являются этническим меньшинством Судана, их политические лидеры – шейхи – зачастую выступают в оппозиции центральным властям. Это традиционное противостояние «периферии» беджа «центру» сохраняется и по сей день.

В процессе «вхождения» в поле мы имели возможность убедиться в том, что контроль за информацией, отмеченный в работах исследователей, активно осуществляется и жителями долины Вади аль-Аллаки. На практике это выражалось в том, что глава семьи беджа бишарин Али при первом знакомстве с экспедицией намного активнее поддерживал диалог с инспектором-суданцем, предпочитая его в качестве собеседника нам – иностранным исследователям. Вопросы, касающиеся образа жизни, сезонных миграций и мест расселения других семей беджа бишарин в округе не получили прямого ответа. Все время общения Али контролировал тему беседы, выбирая на какие вопросы отвечать, а какие – оставить без реакции. Он разрешил нам осмотреть хозяйственные постройки в поселении, однако жилой дом остался для нас недоступен. Спустя недолгое время, Али через инспектора попросил нас закончить осмотр, давая понять, что нам пора покинуть его территорию. Мы были приглашены на чай и обед на следующий день, что вполне укладывалось в рамки отмеченного в литературе гостеприимства беджа, предполагающего традиционное угощение пришедших. Однако, чаепитие так и не состоялось – вновь через инспектора мы получили информацию о том, что Али был несколько обеспокоен нашим визитом и проявленным интересом к его семье. Инспектор настойчиво рекомендовал нам воздержаться от последующих прямых визитов в поселение семьи Али и нам пришлось довольствоваться общением с беджа бишарин, встречающихся нам на просторах вади. В один из дней, исследуя долину, мы наткнулись на поселение беджа, которое на первый взгляд производило впечатление заброшенного. Сделав несколько снимков построек, мы собирались уходить, когда увидели приближающегося к нам молодого человека беджа бишарин. Он поприветствовал нас рукопожатиями и поинтересовался что мы здесь делаем. Получив ответ, молодой человек объяснил нам, что поселение не является

заброшенным, его хозяева временно отсутствуют. Он разрешил нам делать снимки, но попросил не входить в помещения и не трогать ничего руками.

Закрытость сообществ беджа несколько затрудняет этнографические исследования. Иерархичность общества беджа предполагает, что разговор с незнакомцем-чужаком на темы, потенциально угрожающие семье и общине человека, должен быть санкционирован шейхом. Из этого следует, что проникновение в общество беджа «снизу» для исследований практически невозможно, для изучения этой этнической общности необходимо «заходить в поле» «сверху». В-третьих, как уже было упомянуто, существуют городские сообщества беджа, которые зачастую поддерживают тесный контакт с населением «сельской» местности.

Все эти наблюдения и выводы имеют важное значение для стратегии дальнейших исследований. В следующем полевом сезоне предполагается наладить контакт с городскими общинами беджа Порт-Судана. Видится, что это позволит не только расширить понимание места сообществ беджа в общественной жизни Судана, но и наладить необходимые контакты с «верхушкой» сообществ беджа, для того чтобы легитимировать в глазах «простых» представителей этой этнической общности антропологические исследования.

Библиография

Бухарин М.Д., Крол А.А. Береника Всезлатая: Аль-Аллаки Дерахейб: археологическая реальность в контексте исторической географии // Вестник древней истории, 2020. Вып. 80. №1. С. 171–191.

Крол А.А., Березина Н.Я., Зайцев Ю.П., Решетникова Н.А. Сезон 2018 года Нубийской археолого-антропологической экспедиции НИИ и Музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова на памятнике Дерахейб (Республика Судан). Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. М, 2019. № 2, с. 134–144.

Сведения об авторах

Тютотский Андрей Владимирович, к.и.н., доцент; ORCID ID: 0000-0003-4651-4667; tutotski@hist.msu.ru;

Гордеев Федор Игоревич, магистрант; ORCID ID: 0000-0003-1647-8327; fedorgordeev98@gmail.com

*Поступила в редакцию 04.02.2022,
принята к публикации 28.02.2022.*

THE BEJA OF ATBAY: THE RESULTS OF THE FIRST YEARS OF ETHNOGRAPHIC STUDIES DURING ARCHAEOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL EXPEDITION IN NUBIAN DESERT

Introduction. *The Atbay region, which we refer to in this article, has been the periphery of large state formations since the time of the Egyptian civilization. The question of the genetic continuity of the ancient population of Atbay and the modern ethnic groups living in this territory – the Beja, still causes debate in the scientific community. In the article we propose to turn to the cultural continuity of the population of the region, mediated by unique geographical and political factors, which, in the case of Atbay, have remained virtually unchanged for centuries.*

Materials and methods. *Different works on history and social anthropology relating to the Atbay region and the ethnic group considered in the article (the Beja) became the main sources for the article. The information available in the research literature is compared with the data that we managed to collect during the first experience of field research among the Beja Bisharin as part of the Nubian archaeological and anthropological expedition of Moscow State University.*

Results and discussion. *The article provides an overview of the main works and scientific concepts related to Bedja of the Atbay region. In historical monographs, focused mainly on the most ancient and medieval periods, the Bedja are perceived as the Proto-Egyptians or the descendants of the Medajs of the era of the Middle Kingdom. During ethnographic research undertaken as part of the archaeological and anthropological expedition of Moscow State University, it was found that the Atbay region is very different from the regions of the Nile Valley and the Red Sea coast. Based on the studies of 2018-2019 seasons the idea was put forward that the special landscape and climate of the region prevent its incorporation into the existing state formations (Ancient Egypt, Arab Caliphate), and reinforce a local peripheral culture that exists and reproduces itself for several millennia while remaining distinct (in part opposed to) the dominant historical culture.*

Conclusion. *As a result of studying various written sources and comparing them to the field materials, we developed a hypothesis of cultural continuity of the population of the Beja in the region, mediated primarily by its special climatic and historical conditions. This hypothesis, in our opinion, provides a promising theoretical framework for further research on the cultural characteristics of Beja Bisharin of Atbay. The first field experience also confirmed the idea of the closeness of Beja communities given in literature. We intend to use these findings to develop strategies for further research.*

Keywords: Atbay; Beja people; Bisharin; Red Sea Hills; cultural continuity; periphery

References

Bukharin M.D., Krol A.A. Berenika Vsezlataja: Al'-Allaki Derahejb: arheologičeskaja real'nost' v kontekste istoričeskoj geografii [Berenice panchrysos – Al-Allaqi-Deraheib: archaeological reality in light of historical geography]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of Ancient History], 2020, 80, pp. 171–191. (In Russ.)

Krol A.A., Berezina N.Ya., Zajcev, Yu.P., Reshetnikova, N.A. Sezon 2018 goda Nubijskoj arheologičeskoj antropologičeskoj jekspedicii Nil i Muzeja antropologii MGU imeni M.V. Lomonosova na pamjatnike Derahejb (Respublika Sudan) [The year 2018 season of the Nubian archaeological and anthropological expedition of the Research Institute and the Museum of Anthropology of the Moscow State University at the Deraheib monument (Republic of Sudan)]. *Moscow University Anthropology Bulletin* [Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 23: Antropologija], 2019, 2, pp. 134–144. (In Russ.)

Abdel-Qadr M.; Wendrich W. Z.; Kosc Z.; Barnard H. *Giving a Voice to the Ababda. The history of the peoples of the Eastern Desert.* Los Angeles, 2012.

Dahl G., Hjort-af-Omas A. Precolonial Beja: A Periphery at the Crossroads. *Nordic Journal of African Studies*, 2006, 15 (4), pp. 473–498.

Herzog R. Kulturelle Kontinuität der Bedja vom Altertum bis zur Gegenwart. *Ägypten – Dauer und Wandel: Symposium anlässlich des 75jährigen Bestehens des Deutschen Archäologischen Instituts Kairo.* Mainz am Rhein, 1985, pp. 161–172.

Palmisano A. L. Ethnicity: The Beja as Representation. *Ethnicität und Gesellschaft. Occasional papers.* 1991, 29. 135 p.

Paul A. *A history of the Beja Tribes.* Cambridge, Cambridge University Press, 1954. 164 p.

Sahlins M.D. Culture and environment: The study of cultural ecology. *Theory in anthropology*, 1968, pp. 367–373.

Seligman G.C. Some aspects of the Hamitic Problem of the Anglo-Egyptian Sudan. *Journal Royal Anthropological Society of Great Britain and Northern Ireland*, 1913, 43, pp. 593–705.

Vanhove M. The Beja Language Today in Sudan: The State of the Art in Linguistics. *Proceedings of the 7th International Sudan Studies Conference April 6th – 8th 2006.* Bergen, Norway, 2006. pp.CD Rom. fflahshs-00010091f.

Information about Authors

Tutorskiy Andrei V., PhD; ORCID ID: 0000-0003-4651-4667; tutotski@hist.msu.ru;

Gordeev Fedor I., student; ORCID ID: 0000-0003-1647-8327; fedorgordeev98@gmail.com/.